

Содержание

I. МОЙ КОРОЛЬ

13

II. КОМНАТА ЧУДЕС

83

III. ПРИНЦЫ И ПРИНЦЕССЫ

169

I. МОЙ КОРОЛЬ

ГЛАВА 1

10.32

Луи, пора вставать! Ты меня слышишь? Сколько можно повторять? Вставай и одевайся, а то опоздаем! Уже двадцать минут десятого.

Примерно так начался день, ставший самым ужасным в моей жизни. Я этого еще не знала, но в 10.32 седьмого января 2017 года мое существование расколосось на две части — одна до, вторая после. Со мной навсегда останется это *до*, та предшествующая минута, которой я хотела бы приказать замереть навечно — с ее улыбками, с мимолетным счастьем, с картинками, застывшими в закоулках моей памяти. И навсегда со мной останется *после* — с бесконечными “почему” и “если бы только”, со слезами и криками, с дорогушей тушью, растекшейся у меня по щекам, с воем сирен, с отвратительно сочувственными взглядами, с произвольным спазмом желудка, отказывающегося признавать случившееся. Разумеется, все это было мне

тогда неведомо; только боги, если они существуют, в чем я сильно сомневаюсь, могли знать, что будет. О чем же эти божества говорили между собой в 9.20? Одним больше, одним меньше — какая разница? Ты уверен? Не очень, но почему бы и нет? И правда, почему нет — судеб мира это не изменит. Я была от всего этого далека — далека от богов и от собственного сердца. В тот миг, максимально близкий к расколу, к катастрофе, к точке невозврата, я была собой. Просто собой, и я на чем свет стоит костерила Луи.

Этот ребенок сведет меня с ума, повторяла я себе. Я уже полчаса пыталась вытащить его из постели, но ничего не помогало. В полдень мы договорились встретиться с моей матерью за бранчем — это моя ежемесячная голгофа, — но до того я хотела успеть заскочить на бульвар Османн и купить себе кроваво-красные лодочки: я запала на них с того дня, когда бутик объявил о распродаже. Я мечтала, что надену их в понедельник, на совещание, где будет присутствовать сам Биг Босс “Эжемони” — косметического холдинга, на который я последние пятнадцать лет пахала с утра до ночи. Я руководила командой из двадцати человек, всей душой преданных благородному делу рекламы. Мы разработали новую упаковку для марки шампуня, способного уничтожать до 100 % перхоти: “до 100 %” в данном случае означало, что у одной из двухсот женщин, согласившихся протестировать шампунь, в гриве не осталось ни единой чешуйки. Предметом моей особой гордости тогда служил тот факт, что после

жестокой схватки с юридическим отделом “Эжемони” мне удалось добиться права использовать эту формулировку. Она оказала решающее влияние на рост продаж, прибавку к моей зарплате, возможность летом съездить с Луи в отпуск и купить себе новые туфли.

Недовольно бурча, Луи наконец соизволил подняться, натянул слишком узкие джинсы со слишком низкой талией, плеснул себе в лицо водой, не меньше пяти минут старательно лохматил перед зеркалом волосы, отказался надевать шапку, хотя в то утро на улице стоял собачий холод, выдал пару нечленораздельных реплик, содержание которых я знала наизусть (“Мне-то зачем с тобой идти” и т. п.), нацепил солнечные очки, подхватил под мышку скейтборд — грязную доску, изрисованную граффити и требовавшую от меня покупки новых колес не реже двух раз в неделю, влез в суперлегкий красный пуховик *Uniqlo*, сунул в карман пачку печенья с шоколадной начинкой, на ходу заглотал банку фруктового пюре (как будто ему пять лет!) и наконец вызвал лифт. Я бросила взгляд на часы. 10.21. Отлично. Еще есть время реализовать мой тщательно продуманный план. Я все рассчитала с запасом, потому что утренний подъем Его Величества Луи — это уравнение со многими неизвестными.

Погода стояла прекрасная. В голубом зимнем небе — ни облачка. Я всегда любила холодный свет. Самое чистое голубое небо я видела в Москве, когда ездила туда в командировку. Российская столица для меня — идеал зимнего неба. Париж в тот день

принарядился по-московски и как будто радостно нам подмигивал. Мы с Луи вышли из нашего дома в 10-м округе и двинулись вдоль канала Сен-Мартен в сторону Восточного вокзала, лавируя между прогуливающимися семьями с детьми и туристами, глазами, как баржа минует шлюз под мостом Эжена Варлена. Я следила глазами за Луи, который катился впереди меня на доске, и чувствовала гордость за мальчишку, понимая, что он постепенно становится мужчиной. Мне следовало сказать ему об этом: подобные мысли для того и существуют, чтобы быть выраженными вслух, иначе зачем они. Но я этого не сделала. В последнее время Луи очень изменился. В результате стремительного роста, свойственного его возрасту, он из хрупкого ребенка превращался в довольно высокого подростка; на его все еще пухлых и пока лишенных прыщей щеках пробивалась первая растительность. Уже можно было догадаться, что из него получится настоящий красавчик.

Все это происходило слишком быстро. Я вдруг вспомнила, как шла по набережной Вальми, правой рукой толкая перед собой темно-синюю коляску, а в левой держа мобильный телефон. Кажется, воспоминание вызвало у меня улыбку. Или я выдумала это уже задним числом? Память меня подводит; мне трудно точно сказать, о чем я думала в те мгновения, еще не зная, насколько они важны. Если бы только я могла вернуться назад хоть на пару минут, я была бы внимательнее. Если бы я могла вернуться назад на несколько месяцев и лет, я многое изменила бы.

Раздались последние такты песни Уикнда — Луи установил эту мелодию мне на смартфон. Жан-Пьер, наш ЖЭПэ. Черт бы его побрал! С какой стати начальник звонит мне в субботу утром? Разумеется, такое уже бывало, и не раз: если работаешь в компании вроде “Эжемони”, приходится быть готовой к тому, что тебя будут дергать по срочным вопросам и в выходные. Сегодня, когда люди произносят слово “срочно”, я воспринимаю его совсем иначе. Я больше никогда не назову “срочной” подготовку очередной презентации, или проведение потребительского тестирования, или утверждение нового дизайна флакона. Какая во всем этом может быть срочность? Что, кому-то грозит смертельная опасность? Но в тот момент я ничего этого еще не знала. Я только удивилась, что за срочность возникла у ЖЭПэ, чтобы звонить мне в субботу, и догадалась, что это связано с запланированным на понедельник совещанием. Да, это абсолютно срочно. Это жизненно важно. Я поспешила ответить на вызов, почти не глядя на Луи, который притормозил возле меня, явно собираясь что-то мне сказать. Я от него отмахнулась: не видишь, что ли, я разговариваю по телефону? Он что-то пробурчал себе под нос, полагаю, намереваясь показать, что это не может ждать. Я так никогда и не узнаю, что именно он хотел мне сообщить. Во мне живет уверенность, что мои последние мысли о сыне несли негативный оттенок. О чем я думала? О том, что он постоянно требует к себе внимания; о том, что у меня не остается ни минуты для себя; о его под-

ростковом эгоизме; о том, что мне насущно необходимо хоть чуть-чуть передохнуть. Неужели ты, засранец, не в состоянии это понять? Мне кажется, последним мелькнувшим в моем закосневшем мозгу словом, мысленно обращенным к моему ребенку, плоть от моей плоти, которого я многие тысячи часов качала на руках, которому тысячи часов пела колыбельные, который доставил мне столько радости, гордости и веселья, — было слово “засранец”. Как стыдно! Как несправедливо! Как ужасно об этом вспоминать!

Луи громко свистнул, схватил болтавшиеся у него на шее красные наушники, нацепил их на голову, прижав поплотнее, буркнул, что со мной всегда одна и та же история, потому что у меня на уме только работа, и, встав правой ногой на скейт, оттолкнулся и покатиł вниз по тротуару, который шел под уклон. Если бы я не разговаривала с ЖЭПэ — срочное дело касалось исправлений в слайдах, выполненных в программе *Powerpoint*, — во мне сработал бы материнский инстинкт, заставляющий нас крикнуть сыну или дочери: “Помедленней! Куда ты несешься?” Любой нормальный ребенок, переросший детсадовский возраст, в ответ недовольно фырчит; теоретически наш окрик бесполезен, но на практике он все-таки способствует некоторому пробуждению дремлющего сознания. Мой крик так и не сорвался с моих губ. В компании “Эжемони” на сотрудниц, имеющих детей, смотрят косо, хотя официальная позиция руководства выглядит совершенно иначе: типа мы за гендерное рав-

ноправие и всячески поддерживаем социальные достижения женщин. Между теорией, то есть политической декларацией, и практикой как ее оборотной стороной лежит пропасть, и мы видим, что слова часто расходятся с делом: в реальности число женщин, занимающих ответственные посты в крупных компаниях, до смешного ничтожно. Что касается меня, то я никогда не скрывала своих карьерных амбиций, поэтому о том, чтобы проявить свои материнские чувства во время делового разговора — даже если он происходит в 10.31 в субботу, — для меня не могло быть и речи.

Пока ЖЭПэ неторопливо объяснял мне, что именно я должна в воскресенье исправить в презентации, я рассеянно поглядывала на Луи, который и правда катился слишком быстро. Я отметила, что на голове у него наушники, и — это я хорошо помню — подумала про себя: надеюсь, он не включил звук на полную громкость и соображает, что набрал слишком большую скорость. Но я тут же потрясла головой, напомнив себе, что он уже большой и пора мне перестать за него волноваться из-за всякой ерунды — вот именно, из-за ерунды. Невероятно, какое количество мыслей может пронестись у нас в мозгу за считанные секунды. Невероятно, с какой болью эти несколько секунд могут потом навечно впечататься в наш мозг.

Я в последний раз покосилась на экран смартфона. Часы показывали 10.32. Еще три минуты, сказала я себе, и я попрощаюсь с ЖЭПэ, потому что мы уже подходим к метро.

Рядом раздался глуховатый рев, вызвавший в памяти гудок терпящего бедствие теплохода. Это был грузовик. Я подняла голову, и тут время остановилось. От места происшествия меня отделяла сотня метров, но прохожие подняли такой шум, что у меня было ощущение, что я уже там. Телефон выпал у меня из рук и разбился. Из груди вырвался крик. Я подвернула ногу, упала, вскочила, скинула туфли на шпильках и побежала так, как не бегала никогда в жизни. Грузовик уже остановился. Кричала не я одна. С десятков человек, сидевших на освещенной солнцем террасе кафе — погода стояла прекрасная, — повскакали со стульев. Какой-то мужчина ладонью закрыл глаза маленькому сыну. Сколько ему могло быть? Года четыре, может, пять. Правильно, подобные зрелища не предназначены для детских глаз. Их даже в фильмах не показывают. Мало ли кто окажется у экрана. Самое большее — намекнут. Мир жесток, так будьте добры, проявите хоть капельку такта. Я добежала и с воем бросилась на землю, ободрав колени, но не чувствуя боли. Во всяком случае, физической боли. Луи. Луи. Луи. Луи. Мой мальчик. Моя жизнь. Как описать то, что не поддается описанию? Очевидец произошедшего сравнил меня с волчицей. Да, я выла как волчица, которой вспарывают брюхо. Я вырывалась, скребла ногтями землю, меня трясло. Я держала в руках голову Луи. Я знала, что его нельзя трогать, что ни к чему нельзя прикасаться, но это было сильнее меня. Все тот же разрыв между теорией и реальностью. Не могла же я просто так оставить его лежать на земле! Но я ничего не де-

лала — только держала его голову, плакала и ждала помощи, беспрестанно проверяя, дышит ли он. Дышит... Нет, не дышит. Опять дышит! “Скорая” примчалась в рекордно короткое время. Санитар попытался оттеснить меня от тела Луи. Я ударила его по лицу. Извинилась. Он мне улыбнулся. Я все это помню. Помню, как он со мной обращался — бережно, но твердо. Помню его уродливый нос. Его уверенный голос, произносивший положенные в таких случаях слова. Удаляющуюся машину. Краем сознания я улавливала обрывки информации. Детское отделение неотложной помощи. Больница Робера Дебре. Реанимация. Все будет в порядке, мадам. Нет, ничего не будет в порядке. Я провожу вас домой. У меня подкосились ноги. Он меня подхватил. Мышцы, с начала происшествия пребывавшие в состоянии крайнего напряжения, вдруг расслабились. Меня усадили на залитой солнцем террасе кафе. Тепло меня не слушалось. Кишечник скрутило спазмом, и меня вырвало прямо на столик этого хипстерского заведения, которое мгновенно опустело. Я вытерла рот, выпила стакан воды и подняла голову.

Вокруг ничего не изменилось. Небо оставалось таким же голубым и безоблачным. Я посмотрела на часы. Они тоже разбились. Стекло треснуло, и стрелки не двигались. Немое свидетельство. Они по-прежнему показывали 10.32.